

Нина Ким

ХВОСТЫ КУМИХО

СЕМЕЙНАЯ САГА-СКАЗАНИЕ
О КОРЕЙСКОМ НАРОДЕ

18+

Все счастливые семьи. Российская коллекция

Нина Ким

Хвосты Кумихо

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Ким Н.

Хвосты Кумихо / Н. Ким — «Азбука», 2026 — (Все счастливые семьи. Российская коллекция)

ISBN 978-5-389-33204-1

Узбекистан, 1946 год. У мудрого уважаемого Сэнсея рождается внук Соджун, наследник старинного и знатного корейского рода Чан. Об одном молит Небо Сэнсей: чтобы судьба младенца была счастливой – не такой трудной и безжалостной, как у него самого. Но жизнь взрослого Соджуна – перекасти поле – полная бед и потерь. Бельгия, 2015 год. Юный Алекс беспечно живет в доме бабушки. Он заканчивает школу и выбирает свой путь, по которому собирается идти без оглядки на прошлое семьи. Но один его неверный шаг – и катастрофа неминуема. Ведь когда-то в молодости Сэнсей прогневал лисицу Кумихо, и поклялась та известить весь его род, пусть даже на это уйдут все девять ее хвостов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33204-1

© Ким Н., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Прерванное свидание	9
Глава 2. Люди в черных песках	10
Глава 3. Внезапное похищение и освобождение	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нина Ким

Хвосты Кумихо

Светлой памяти моего дедушки, главы семьи, Николая Тяна, моего отца Алексея Тяна и брата Виссариона Тяна

Посвящается всем корё-сарам, пережившим депортацию в 1937 году

© Ким Н., 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Пролог

Лисица Кумихо

Ночь выхватила из темноты туловище лисицы. Изящное, красивое, пушистое, с проблеском лунного света в шерсти, словно вылепленное из затвердевшего хищного пламени. Гордая посадка головы. Ноздри, подрагивающие от возбуждения. Изящные уши, радостный оскал и лапы, приминающие добычу. Лисица на минуту остановилась, словно прислушивалась к чему-то, резко взмахнула хвостами и загородилась ими от любопытного степного ветра с ароматом поздней полыни. Вдохнула полной грудью и задвигала лапами, перебирая грудку человеческих тел, изуродованных смертью. В ярости вспарывала животы, кромсала затвердевшие внутренности, приплюсывалась и морщилась от незнакомых запахов. Того, за кем она пришла, не было. В отчаянии лисица задрала морду к далеким звездам – свидетелям ее обиды. Те видели отражение в *его* глазах, брезгливость на лице, невольное отступление и приподнятые в ужасе руки.

Кумихо выстрадала свое бессмертие, прожив почти тысячу лет в глухом лесу, куда не проникали даже солнечные лучи. И только полная луна, видевшая страдания лисы, подарила ей бессмертие вместе с волшебными чарами. Однажды, заметив свое отражение в воде, она застыла от изумления: на нее смотрела женщина неземной красоты. И в тот момент Кумихо сделала свой выбор: она решила превратиться в человека. Ей предстояло стать «сердцеедкой», съесть не меньше ста человеческих сердец, чтобы исполнилась ее мечта.

Лиса бродила по окрестным деревням и выискивала одиноких мужчин. Соблазняла, приводила их в трепет и добиралась до мягкой плоти, еще пульсирующей под кровавыми когтями, съедала и становилась ближе к цели. На сосне, росшей у ее логова, отмечала каждое съеденное сердце и с нетерпением ждала своего волшебного превращения в женщину навсегда. Когда число зарубок подошло к девяноста девяти, лиса исполнилась радости. Осталось съесть всего одно сердце. Но радость оказалась преждевременной. В округе больше не было одиноких мужчин. И, когда Кумихо совсем отчаялась, удача улыбнулась ей. Она наткнулась на низкий домик и остановилась: вдруг здесь она найдет свою последнюю добычу. Острые уши наострились, глаза неотрывно следили за широким двором. Вскоре открылась дверь. Из нее высыпала ватага сельской детворы.

– Сэнсей¹, аннёнхи кесёё²! – галдели дети и смотрели с обожанием на мужчину, вышедшего вслед за ними.

– Аннёнхи касёё³, – поднял руку Сэнсей.

«Тяжело будет раздирать мышцы, – пронеслось в голове у лисицы, – но на вкус сердце будет приятное, без запаха немытого тела, которым обычно разит от деревенских мужиков». Опрятный, в белой холщовой рубаше, выпущенной поверх широких штанов, он улыбался детям и стоял на улице до тех пор, пока ученики не скрылись из вида. С этого дня лисица провела много часов в укрытии, наблюдая за своей будущей жертвой: вдруг он женат? Но нет. Ни разу она не увидела рядом с ним женщину. Кумихо открыла охоту. Инстинкт подсказывал ей, что прежние уловки для этого мужчины не годятся. Иногда ей становилось грустно, что придется вырвать сердце из такого красивого, ладно сложенного тела. При приближении учителя девять хвостов Кумихо начинали мелко дрожать и рассыпаться веером по земле. Что это? Готовность

¹ Учитель (*кор.*).

² Оставайтесь с миром (*кор.*), вежливая форма прощания; так прощаются те, кто уходит, с теми, кто остается.

³ Идите с миром (*кор.*), вежливая форма прощания; в данном случае наоборот – так прощаются те, кто остается, с теми, кто уходит.

принадлежать мужчине – человеку, которого она должна умертвить? Но так или иначе, ей надо торопиться: скоро должно наступить полнолуние, которое обнаружит ее звериную натуру перед людьми.

И вот первая встреча состоялась. Совершив девять прыжков вокруг себя, лисица приняла обличье девушки. Потупив взгляд, встала на узкую тропинку, по которой мужчина ходил к роднику за водой. Вскоре она увидела его. Он шел, слегка согнувшись под тяжестью чиге⁴.

«Интересно, зачем ему столько воды? – спросила себя Кумихо, чувствуя возбуждающий запах сосны и женишеня, исходивший от мужчины. – Дети выпивают, – догадалась она и опять спросила себя: – Почему я так волнуюсь? Это только жертва».

Но лисье сердце, жившее сразу в двух мирах, зверином и человеческом, учащенно билось и не слушало ее доводов. Как так? За тысячи лет охоты на мужчин с ней случилось такое впервые. Она прекрасно знала людские повадки, их нравы, обычаи и традиции, порой смешные и нелепые, придуманные глупыми и бесхитростными двуногими существами. Видимо, долгое наблюдение за их бытом приблизило ее к ним настолько, что сознание Кумихо стало раздваиваться.

Она охотилась за мужскими сердцами, притворяясь девушкой на выданье. Чаще всего охота выдавалась особенно удачной после праздников, выдуманных глупцами: закон четырех столов давал обильную пищу, утоляя ее постоянное чувство голода⁵. Что ни повод, так праздник и гулянка. Даже четвертый, траурный стол, умудрились превратить в торжество еды и питья рисовой водки. Где веселье, там и она, поджидающая пьяных мужчин, засидевшихся в гостях. Добыча была легкой. Нетрезвые удалыцы сами падали под ноги красивой девушке в полупрозрачной одежде. Ей оставалось прогрызть грудь, разодрать мышцы и зацепить коготками трепещущее сердце. Они были разные на вкус, жесткие и мягкие, пахучие и без запаха. Кумихо уже бессознательно грызла плоть и запивала трапезу кровью. Вытирала рот пушистыми хвостами и чувствовала себя моложе еще на сто лет.

И вдруг, после встречи с учителем, ей надоело быть «сердцеедкой». Она подумала, что может стать ему прекрасной женой, и больше ей не придется скитаться по деревням, соблазнять пьяных мужиков и поедать их сердца. Ее последняя жертва оказалась иной. Он не пил и не курил опиум, ясный взгляд и сосредоточенное выражение лица смущали Кумихо и не давали покоя. Поэтому ей пришлось долго следить за ним, узнавая его повадки, его характер, его слабости.

Пытливые глаза Сэнсея разглядывали незнакомую девушку, неожиданно представшую перед ним на лесной тропе. Поклонившись, он задал вопрос, к которому она уже подготовилась:

– Из каких мест вы будете, почему прежде мы не встречались?

– Я живу... – и дальше полился нежный голос, прежде туманивший сознание слушателей.

– Вот как, – произнес он без улыбки, приподнял шляпу, обошел девушку стороной и пошел своей дорогой, расплескивая родниковую воду.

Но капля точит и камень. В конце концов встречи их стали постоянными, и в глазах у него задрожал тот огонек, который светился в глазах мужчин после знакомства с ней. Вот только все пошло не по плану. Что в ней его насторожило? Кумихо упустила из вида, что Сэнсей – ученый муж. Однажды он сухо сказал, что им не следует больше встречаться, не то по деревне разнесутся слухи о его недостойном поведении. Он помолвлен с другой девушкой, скоро состоится их свадьба. Кумихо приблизилась к нему и попыталась обнять любимого. Чувства лисицы были настолько сильны, что она не смогла держать себя в руках: из-под юбки

⁴ Чиге (кор.) – деревянная рама, к которой привязаны два глиняных сосуда.

⁵ Здесь подразумеваются празднества, сопровождаемые застольями, в честь четырех важнейших этапов в жизни человека: толь – праздник первого дня рождения, хонирё – свадьба, хвангаби – празднование шестидесятилетия, чанирё – похороны.

показались, блеснув, пушистые хвосты, растекаясь волной по земле, почти сливаясь с рыжей листвой. Сэнсей отшатнулся от нее, выставил вперед ладони, словно защищался от демона. Затем последовал резкий толчок, и лисица покатила вниз, упала в ручей, который полностью оголил ее звериное тело. Больше она учителя не встречала, но поклялась, что отомстит ему за свою растоптанную любовь. Никогда Кумихо не превратится в женщину, не станет чьей-то женой, мужчина не будет восхищаться ею и носить на руках. Почему не убила Сэнсея сразу, а поверила глупой легенде о том, что любовь мужа превратит ее в человека?

И сейчас, вспомнив свою горькую историю, Кумихо заплакала. Рыдания сотрясали изящное тело, в лунном свете волнами колыхалась пушистая шерсть, жуткий вой раздирал темноту холодной степи и эхом возвращался к ней, заставляя содрогаться от ненависти. Устав от бесполезных рыданий, Кумихо встала на задние лапы. Медленно подобрала девять хвостов, словно готовилась к священному обряду, и застыла от биения сердца. Оно болело. Оно приказывало: «Ты умеешь ждать! Ты уничтожишь проклятый род Чан! Ты помнишь запах гордеца!»

Глава 1. Прерванное свидание

Алекс, Россия, 2011 год

Алекс боялся. Сейчас проснется, и девочка растает вместе с ночными видениями. И рыжие волосы с запутавшимися в них солнечными лучами, и робкая улыбка, и доверчивый взгляд раскосых, словно лисьих, глаз исчезнут и не вернуться. Алекс сделал шаг навстречу, желая прикоснуться к ней, согреть своим дыханием покрасневшие от мороза тонкие пальцы. И тогда она тоже шагнула вперед. Не отрывая изумленных взглядов друг от друга, мальчик и девочка медленно соединили руки и остановились. Сквозь дымку предобморочного состояния донесся чей-то голос, грубо вырвав их из невесомости. Девочка испуганно подняла глаза и посмотрела на мальчика, когда зычный голос опять прокричал:

– Алекс, опаздываем!

– Иду, – ответил Алекс и медленно сделал шаг назад на ватных ногах, не глядя на того, кто так бесцеремонно нарушил их уединение. Голос не был ему знаком – наверное, у мамы снова новый водитель. Мальчик покорно сел в машину и смотрел, как девочка поправляет смущенным движением рыжие, отливающие золотом волосы, надевает шапку и удаляется от него. Вскоре она исчезла из вида, а он закрыл глаза, стараясь удержать волшебное ощущение невероятного блаженства, которое испытал впервые.

* * *

Кляп во рту, связанные руки, грязный пол, к которому он прижался щекой, – это опять один из дурных снов, преследующих его? Сейчас проснется и вернется в свою комнату? Алекс приподнял грудь, голову и плечи, совершенно некстати подумал, что сделал неполную «ласточку», и огляделся; перекатился к стене и, помогая себе ногами, смог сесть. «Жуй кляп и думай», – приказал он себе, пытаясь сосредоточиться. Знал же, знал, что нельзя садиться в машину к незнакомым людям. Мать твердила об этом постоянно, но он пропускал ее наставления мимо ушей и лавировал между ними, превращаясь в искусного манипулятора. Алекс прекрасно разбирался, когда можно прогуливать уроки, когда брать мелочь из маминого кошелька, а когда жаловаться на головную боль и валяться в постели с утомленным видом. Разговаривал слабым голосом, заставлял голосовые связки хрипеть так, словно водил по ним смычком.

Головная боль сына держала мать на привязи: вдруг у него возобновятся младенческие судороги и опять вызовут клиническую смерть. Сколько Алекс помнил себя, столько раз она вздрагивала, показывая при случае на автобусную остановку, где он чуть не умер от приступа.

Алекс вырос. И опять заболел. Опять болезнь, но другая: он влюбился. Первая любовь привела к беде – так увлекся этой рыжей девчонкой, что, ничего не соображая, потерял бдительность.

«Что делать? Что делать? Что делать? – метались в сознании мысли. – Кто мне теперь поможет?» Обвел взглядом незнакомую комнату, в отчаянии опустил голову и вздрогнул: мунбэ-оберег, деревянные фигурки тигра и дракона, мирно покоившиеся на его груди, изменили свое прежнее положение; между ними появилась слабая полоска света. Пытаясь прогнать наваждение, Алекс тряхнул головой. Одновременно с ним тряхнул гривой тигр. Следом фыркнул дракон и сверкнул красным глазом. Полоска света превратилась в голубое сияние, изгнавшее темноту.

Глава 2. Люди в черных песках

Узбекистан, 1937–1946 годы

Это была холодная зима 1937 года. На маленьком полустанке в азиатской глуши остановился товарный поезд. Из «телячьих» вагонов вместо скотины показались люди. Втянув голову, робко смотрели по сторонам. Тишину нарушил плач детей, затем к ним присоединились всхлипывания женщин. Раздались громовые голоса конвоиров. Они пересчитывали прибывших по головам, выкрикивали искаженные имена и фамилии и загоняли в строй. И когда люди уже почти ооченели от холода и страха, их повели в неизвестном направлении. Женщины успокаивали испуганных детей, старики пытались не выбиться из строя, а мужчины несли тяжелые туки с одеждой и домашней утварью.

Местные жители, которые находились на станции, вздрогнули от неожиданной картины. Между ними пронесся шепот:

- О Аллах! Откуда они? Почему такие худые и почти раздетые?
- Куда их ведут?
- Вдруг это воры, плохие люди, шайтаны?
- Почему у них узкие глаза и желтые лица?
- Больные, наверное, заразные.
- Может быть, прокаженные? Помните дервиша? Он был такой же истощенный.

Колонна с непонятными существами скрылась из вида, а узбеки продолжали смотреть им вслед и произносить:

- Бисмилля рахмани рахим!⁶

То ли себя они ограждали от напасти, то ли молились за несчастных, бредущих по направлению к черным пескам.

Место это пользовалось дурной славой: там не было ни единой живой души, только ветер и песок бились в поисках пристанища. Битва длилась с давних времен. Перемирие наступало в редкие моменты, когда грозная тень выплывала из-за облаков и накрывала землю темнотой. Продержав в плену дрожащие потоки света, тень нехотя исчезала и растворялась в воздухе до следующего раза. И теперь в это место вели странных людей, привезенных в товарных вагонах для скота.

А странные люди протирали глаза от песка, не понимали, куда их привели и бросили. Ветер трепал бумажки с именами, полученные утром, а они всё стояли и стояли, не смея поверить, что проклятые конвоиры исчезли. Боялись, что изверги вернуться, и не могли понять, что случилось. Что плохого они сотворили? Старики вспоминали: с тех пор, как корейцы перешли реку Туманган, они сумели завоевать доверие Российского государства, стали его верными подданными. Вместе с новой родиной пережили революцию и Гражданскую войну. Не прятались в тайге, воевали за советскую власть в партизанских отрядах, охотно влились в коллективизацию сельского хозяйства и были безмерно счастливы, что их наделили землей.

Совсем недавно радовались, что стоят сухие дни. Им удалось убрать полностью выращенный урожай, зачистить поля, подготовить их к следующему посевному сезону, набить хранилища мешками с рисом, выкопать во дворе ямы, застелить их соломой, засыпать картофелем и другими овощами на долгую морозную зиму. Пяча, корейская капуста, уродилась на славу:

⁶ Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! (узб.)

белоснежные кочаны, вызревшие и сочные, не тронутые жучками. Хозяева готовили деревянные бочки для кимчхи⁷ и перемалывали острый перец с чесноком.

И эта мирная жизнь, тихая и упорядоченная, оборвалась. Оборвалась внезапно, неожиданно и без каких бы то ни было причин. Военные с автоматами обходили дома, отбирали документы, приказывали не выходить за пределы деревни и сообщали, что через три дня всех перевезут на другое место жительства. Но до последнего часа, даже собрав самое необходимое, люди не верили, что придется бросить дома, нажитое имущество и уехать неизвестно куда. Последняя ночь была облачена в траур. Корейцы оплакивали место, где прожили много лет и где надеялись провести остаток своих дней. Что с ними станет? Куда их переселят? За что их наказали? Женщины собирали теплые вещи в дорогу, запасались продуктами и старались удерживать слезы, чтобы не разгневать еще больше Небо. Мужчины приготовили мешочки с семенами риса, в надежде, что они спасут их от голода на новом месте. Не смыкая глаз, жители деревни готовились к встрече с утром, которое принесет им много бед и страданий. Бедные, они уже покорились чужой воле и покорно садились в вагоны для перевозки скота. В суматохе даже не задали себе вопроса, как смогут выдержать дорогу в таких условиях.

Воздух наполнился криками детей и женщин, руганью конвоиров и гудками паровоза, слегка подрагивающего на стальных рельсах. Поезд выдохнул пар и медленно, очень медленно тронулся с места. За окном, заколоченным деревянными досками, мелькали незнакомые места и редкие полустанки. Люди разговаривали шепотом, боясь привлечь внимание конвоиров. Изредка вставали и шли к дыре, прорубленной в середине вагона. Женщины стыдливо садились на корточки и опускали длинные юбки, придерживая подол. Остальные пассажиры отворачивались, старались не слушать и не дышать. Мужчины спускали штаны, оголяя толстые задницы, и дрожали от ветра, который задувал назад капли желтой мочи, перемешанной с дерьмом. Никого не интересовало, чужое оно или свое.

Постепенно холод сделал свое дело, заморозил в пассажирах все чувства: стыда и нескромности, горя и радости, страха и надежды. Они отмахивались от кошмаров, ставших вечными спутниками в долгом пути; устали страдать и молча смотрели, как на редких остановках из вагонов выгружают тела умерших и наспех закидывают их камнями.

И вот, наконец, ненавистные конвоиры исчезли. За время бесконечной дороги это стало первой радостью для выживших. Они на свободе. Могли убежать. Но куда? Куда они смогут убежать без документов и денег?

Вдруг их размышления прервала огромная тень, и новоселов поглотила тьма. Сильный ветер швырялся черным песком, который впивался в тело и светился под кожей. Когда боль стала нестерпимой, люди очнулись от ужаса и закричали. Солнечный свет появился так же внезапно, как и исчез, озарив окрестность. Никого рядом не было. Только из камышовых зарослей, видневшихся вдали, раздавался жалобный вой, похожий на плач ребенка. Мужчины схватились за топоры и кинулись на эти звуки. Страх перед невидимыми врагами и холодной ночью заставил их рубить камыш. На помощь им пришли женщины. Они ломали засохшие стебли и волокли их на равнину, не обращая внимания на окровавленные от порезов руки.

В первую ночь на новом месте новоселы не могли уснуть от непривычного шелеста сухих листьев и стеблей, расплывавшихся в разные стороны под тяжестью тел. Вдруг опять раздался протяжный вой, леденящий душу. Вместе с ним замелькали желтые огоньки, то приближаясь, то удаляясь. Люди вскочили со своих мест, стали жечь костры из камышей, на которых лежали, схватили палки и принялись ждать нападения. Но звери – это были шакалы – оказались трусливыми и не посмели приблизиться к пылающему пламени. Переселенцы победили. Вместе с первой победой в них вселилась вера в собственные силы.

⁷ Кимчхи – корейское блюдо, остро приправленная ферментированная пекинская капуста.

И с тех пор корейцы рубили камыш, месили глину, лепили времянки и обживались нехитрым хозяйством. Задымили печи, обогревая полы, сложенные по схеме, известной им от дедов; забулькала еда в котелках, приготовленная женщинами из того, что было под рукой; вырастали ребятишки, ползая по камышовой циновке и заставляя смеяться родителей, удивленных звуками давно забытого смеха. Жизнь не оборвалась. Первую зиму на новом месте они выдержали и благодарили Небо за то, что остались в живых, что никого не пришлось хоронить и плакать от горя.

После крепких морозов пришла весна, неожиданно теплая. Семьи начали обустриваться: протянули арыки⁸, по которым за журчала вода, посадили овощи и развели домашнюю живность. Вскоре поселок наполнился хрюканьем поросят и квохтаньем курочек, купающихся в черном песке.

* * *

Живое лепилось к живому, глаза боялись, а руки делали привычную работу. Переселенцы не верили своим глазам. Весна сотворила чудо. Расцвели фруктовые деревья, нежные лепестки кружились в воздухе и осыпали землю, разукрасив черный песок цветочными узорами. Солнце описывало круги в синем небе, пронзительном до рези в глазах, отдавая людям самые теплые лучи. И люди поверили, воспрянули духом: на новом месте тоже можно жить.

И вдруг, в конце марта, в дни весеннего равноденствия, из поселка исчезли мужчины. В воздухе раздавались только женские голоса и крики детей. Так прошло жаркое лето, пришла осень, наступил октябрь, который год назад перевернул их жизнь и ввергнул в пучину страха. Что приготовил он в этом году?

В один из прохладных дней женщины слышали крики, выглянули из домов и увидели странную процессию: ишаки, впряженные в повозки с мешками, упрямылись и орали, задрав морды; погонщики кричали и дергали за поводья упрямых животных и тоже орали. К этому дуэту прибавились голоса женщин, бегущих навстречу мужьям. А вечером, когда солнце спряталось в горах, женщины приготовили праздничный ужин: паби⁹ из выращенного мужьями белого риса – урожая этого трудного года, первого на новой земле.

Странно. Корейцев выкинули в такие края, где невозможно было выжить. А они не только выжили, но еще и вырастили урожай, не виданный здесь доселе, осушали болота и сажали рис, семена которого привезли с собой с Дальнего Востока. Потихоньку образовалось маленькое царство – забытое государство. В том царстве-государстве никто не болел, потому что не было больниц; никто не разбойничал, потому что корейцы испокон века трудились и жили честно. Удивительное спокойствие, лишенное бунтарских мыслей и действий, овладело жителями «государства» – тишь и благодать. Но, если приглядеться внимательнее, под налаженным порядком, словно тина под водой, колыбался страх с вечным ожиданием непоправимого. И это ожидание передалось детям по наследству, как генетическая предрасположенность к острой пище и непереносимость молочных продуктов.

Как маленькие солдатики, худые и смиренные, корейцы не смели роптать на трудности. Они боялись выделяться из общей толпы и ходили в одинаковой одежде: зимой – в ватных телогрейках, летом – в халатах и рубашках из ситца. В первое время женщины умудрялись из мешков шить юбки с оборочками, подхваченные поясками на талии. Оглядывая друг друга, модницы радовались своей изобретательности. Складки шли по кругу или навстречу друг другу, были мелкими или крупными – наверное, с тех пор и пошла гулять пословица «мешком красоту не спрячешь». Иногда женщинам страсть как хотелось пощеголять в ярких шелковых юбках

⁸ Арык – канава для воды в Средней Азии.

⁹ Паби – рис, сваренный на воде без соли.

и белых блузах с рукавами-мотыльками, обшитыми цветными нитками. Но ханбок¹⁰ остался в брошенных домах, не до него было. Мешковина не шелестела, как шелк, и не льнула к коже, но пропускала ветер в жару и позволяла садиться где попало.

Вроде бы все пошло на лад, но переселенцы цеплялись за память. Не забывали о корейских праздниках, поминали предков и просили их о помощи. В соллаль¹¹ пытались отметить праздник, как в прежние дни. Ходили друг к другу в гости, накрывали на стол и пели протяжные песни, тревожа себя воспоминаниями о прекрасной стране, оставленной за рекой Туманган.

* * *

Местным повезло. В одном поселке с ними оказался уважаемый человек. Сэнсей.

В Корее, до побега от японских оккупантов, он работал учителем. Умел читать и писать на корейском и китайском языках, толковал расположение звезд, лечил больных иглоукалыванием и прижиганием. Дом, где жил учитель, старейший из переселенцев, отличался от остальных только названием: Большой дом.

В черной шляпе, глубоко надвинутой на лоб, в черном пальто, застегнутом на все пуговицы, Сэнсей изредка появлялся на улице. Темная фигура казалась странной, но никто не смеялся над ним. Учителя почитали и уважали. В свободное от полевых работ время он находился дома, водил желтым от табака ногтем по иероглифам и хмурился, пытаясь разгадать смысл прочитанного.

Жена его занималась хозяйством вместе со снохой, женой единственного сына. По корейскому обычаю родители жили вместе с молодыми. Каждый раз, когда в доме раздавался крик новорожденного, учитель с замиранием сердца ожидал внука – продолжателя рода, но рождалась девочка. После родов сноха ходила с виноватым видом и робко заглядывала в глаза мужу и его родителям, словно уверяла, что следующий ребенок обязательно будет мальчиком.

Трижды Большой дом постигала неудача, но в четвертый раз над ним вознеслась звезда. В Чхусок¹², День благодарения, когда семья поминала предков, на свет появился долгожданный мальчик.

Глава рода низко кланялся и благодарил Небо за великий дар – наследника, который продолжит старинный род. И молил о том, чтобы судьба внука была счастливой – не такой трудной и безжалостной, как у него самого, Сэнсея, и его единственного сына, отца родившегося младенца.

Сэнсей достал чжокпо – родословную книгу, – послунывил химический карандаш, старательно вывел имя наследника, но не успел он поставить точку, как иероглифы изогнулись и вспыхнули¹³. Рукавом рубашки учитель быстро потушил пламя, а затем задумался над разгадкой знаков вселенной. О чем хочет предупредить Небо? Значит ли тень, мелькнувшая на границе чжокпо, что соединились Небо и Земля и в этом соединении нет места наследнику рода?¹⁴

¹⁰ Ханбок – национальная корейская одежда из юбки и блузы с широкими рукавами.

¹¹ Соллаль – корейский Новый год по лунному календарю.

¹² Чусок, или Чхусок – один из трех главных корейских праздников, который отмечают по лунному календарю.

¹³ В чжокпо записывались имена всех членов рода по мужской линии. Вспыхнувшие иероглифы означают небесный запрет, т. е. вмешательство Неба, которое либо отвергает наследника, либо предупреждает о нависшей опасности.

¹⁴ Соединение Неба и Земли – это момент, когда при рождении наследника судьба (Небо) и кровь рода (Земля) должны гармонично совпасть.

* * *

Чан Соджун, так называли ребенка. «Надо же, выбрать имя, означающее благородство и удачу», – рассмеялась Кумихо и еле сдержала желание изувечить младенца, «благословенного и обладающего возвышенным духом». Она превратилась в искру и стала кружиться над колыбелью и подстилкой из мешковины, пытаясь зажечь синее пламя¹⁵, как вдруг в своем мельтешении наткнулась на плотную тень, загораживающую колыбель. Тогда искра рассыпалась на тысячи мельчайших частиц, что устремились к младенцу, но все ее усилия оказались напрасными.

Кумихо обратилась в живое существо. Рядом тотчас же возник дракон, готовый броситься в схватку. Он грозно посмотрел вниз и отступил в удивлении: перед ним стояла маленькая лисица, такая крошечная, что грозный зверь растерялся; рык перешел в урчание, а когтистая лапа, занесенная для мощного удара, осталась висеть в воздухе. Лисица кокетливо посмотрела на опасного противника и склонилась в глубоком поклоне, распушив ниже спины обольстительные хвосты. Дракон не мог оторвать взгляда от прекрасной незнакомки, застыл, очарованный неведомой красотой. Хрупкие лапки протянули ему высокий сосуд, от которого исходил томительный аромат чувственных желаний. Он не удержался. Молча принял сосуд и опустошил его. Напиток пронзил дракона до того, как лисица трогательным движением провела коготком по его хвосту, ставшему совершенно безвольным и мягким.

Так решилась судьба новорожденного наследника, оставшегося без защиты. До этого времени дракон охранял древний род. Но теперь жизнь его изменилась. Рыжие хвосты, мягкие лапки, кокетливые глазки удлиненной формы и маленькая точеная фигурка вдохнули страсть в холодное сердце зверя. Колдовской напиток, сотворенный лисицей, заставил его забыть о долге: он отказался оберегать вверенный ему древний род и бросил своего помощника, белого тигра. Тот печально смотрел вслед дракону, который обещал ему скоро вернуться. Пушистые хвосты лисицы нежно гладили заскорузлую кожу грозного зверя; лапки игриво водили по сморщенной морде поклонника, который станет ее покорным слугой и сделает ради нее всё. Сердце Кумихо клокотало от ненависти, не успокоилось даже от того, что разлучила двух защитников ее смертельных врагов. Теперь она сможет наложить проклятие, и мужчины рода Чан погибнут в страданиях. Когда не станет наследника, будет поставлена точка. Круг мести сомкнется, и род исчезнет с лица земли, даже если она потеряет оставшиеся хвосты и погибнет в смертельной схватке.

Шерсть ее вздыбилась при воспоминании о том, какой страшный путь она прошла через реку Туманган. Вода не подпускала ее. Пришлось пожертвовать одним хвостом, красться по ночам, цепляясь когтями за потрескивающий лед. Чужой берег без привычных запахов, без гор и шума морских волн вверг лисицу в ужас. Задрав морду, она тихонько скулила и теряла последние силы, забыв о днях в своем календаре. И только безразличное выражение на лице учителя не стиралось в памяти, оно помогло ей выжить и восстановить силы. Разбив местность на квадраты, обнюхивала каждый дюйм и двигалась к своей цели. И настал момент, когда хвосты ее затрепетали от радости: она смогла отыскать врага.

Отыскала и опять разбила себе сердце: он был счастлив, любил жену, новорожденного сына, наследника своего рода. Когда Кумихо приготовилась ударить по врагу, неведомые силы разрушили ее замысел. Учитель опять сорвался с места, и подкрасться к нему стало невозможно. Вернуться назад в родные горы, но как? Опять пробираться по льду и терять хвосты? Нет! Только вперед, за ним. И этот путь, который сохранился в ее памяти, был самым трудным. Когда она почти отчаялась, смогла обольстить того, кто охранял этот проклятый род. Их было

¹⁵ Синее пламя лисицы Кумихо выжигает судьбу, родовую удачу, защиту предков.

двое. Смешно обнявшиеся звери на мунбэ, дракон и тигр, казались невинной игрушкой. Но Кумихо почувствовала силу оберега и постаралась разлучить могущественных зверей. Кумихо изогнулась от радости: вдвоем с драконом они смогут свергнуть и тигра – последнего охранника рода. Она опять вспомнила, как учитель отгородился от нее. Вот пусть сгинет в этих гибельных местах, в страданиях и тоске. Глупый, все разгадывает знаки Вселенной. Кумихо и есть для него вселенная, расставившая смертельные сети древнему роду, который скоро будет стерт со страниц истории.

Бдительность дурака-дракона, требовавшего от нее плотских утех, лиса усыпила жалобами на то, что черные пески захвачены врагами, которых необходимо уничтожить. Дракон лениво открыл глаза и хрипло засмеялся, увидев странных пришельцев. Низкорослые, черноволосые, желтолицые и узкоглазые, смутно напоминавшие кого-то. Он напряженно пытался их вспомнить. Лисица тотчас прижалась к его боку, увидев в красных глазах тень воспоминаний, которые могли ожить:

– Дорогой, начинаем охоту?

– Как посмели двуногие существа захватить наши владения? – зарычал дракон, отмахнувшись от смутных видений прошлого.

«Как?!» – хихикнула про себя лисица, строя жалобную гримасу и радуясь, что черные пески вскоре развеют прах оставшихся продолжателей рода. Никогда, никогда они не увидят свою родную землю – Страну утренней свежести – и горы, откуда ей пришлось убежать в порыве мести и потерять два хвоста из девяти.

Она хлопнула лапками и впилась в дракона когтями, как будто находилась в состоянии экстаза, так нравившегося дурачку. Прогнала непрошеные видения из его головы и развеселилась, предвкушая, как вскоре даст волю своей особой смекалке. Еще немного, и Кумихо сведет счеты, столкнув лбами того, кто родился, и того, кто должен охранять новорожденного наследника проклятого рода. Вот тогда начнется большая игра: побаловаться с благословенным младенцем, поменять его судьбу и замкнуть круг, пускай она даже потеряет оставшиеся драгоценные хвосты, в которых хранится семь сотен лет лисьей жизни.

Острое желание погубить Сэнсея уже отсекло от ее туловища два пышнейших хвоста. Вспомнив об этом, Кумихо злобно оскалилась и пришла в гнев. Выгнулась, сделала резкое движение и встряхнула лапками. Из каждого когтя вылетели черные бусинки для особо важных дел, совершили ритуальный круг, застыли на долю секунды и полетели вниз, к пескам. Одной из них удалось удержаться на раскрытой детской ладошке ребенка и выполнить задание своей хозяйки – перекроить линию судьбы малыша. Кумихо радостно оскалилась: дело сделано, бусинка попала по назначению и будет вытягивать из родившегося наследника энергию жизни.

Удачу надо отметить. Чуть позже, когда наступит тьма, она позволит дракону поиграть сразу со всеми ее пушистыми хвостами, что дозволялось ему в редких приступах соития, и он полностью потеряет свой замшелый рассудок с одной прямой извилиной. Ох и испугалась она, когда в красных глазах дракона блеснул отсвет прошлого, буквально на минуту, но блеснул.

И теперь, игриво прижавшись к шершавому боку чудовища, приняла беззаботный вид и скрылась в тени его крыльев, чтобы немного отдохнуть после событий в черных песках и нанести сокрушительный удар по врагу.

Глава 3. Внезапное похищение и освобождение

Алекс, Россия, 2011 год

Алекс пришел в себя. Сияние померкло так же внезапно, как и появилось. Вслед за ним исчез страх, уступив место ясности. Итак, его выкрали, и в этом виноват он сам. Им нужна его почка? Дядька какой-то рассказывал по телику, что в таких случаях необходимо срочно связаться с родными. Совет хороший, надо немедленно позвонить маме.

– Эй! – закричал Алекс изо всех сил.

– Очнулся, джигит? Чего кричишь? – ответил похититель, который усадил его в автомобиль.

– Телефон дайте, маме хочу позвонить.

Удивительно, но ему сразу принесли телефон, как будто держали его наготове.

– Слышь, джигит, останешься у нас на пару дней.

Водитель взмахнул кинжалом, лезвие опустилось прямо между руками Алекса. Веревки упали. Посмеиваясь, мужчина нагнулся, и сталь блеснула между ног пленника. Он отошел от мальчика, а затем, не глядя на жертву, уселся на стул, взял со стола бутылку с водой и широко открыл рот. Алекс со страхом смотрел на его выпирающий кадык, дергающийся при каждом глотке, и не мог поверить, что это происходит наяву. Происходит с ним, Алексом.

* * *

Трясущиеся пальцы набирали номер. Алекс знал его наизусть с первого класса. Мать не только заставила выучить все цифры, но и проверяла до тех пор, пока сын не стал отвечать автоматически. Алекс смеялся над ней: в телефоне есть функция памяти, на что мать резко отвечала, мол, лучшая функция памяти – в мозгах.

Пошли гудки. Время тянулось бесконечно. Он боялся, что у него отберут телефон. Пару секунд спустя Алекс вздрогнул от родного голоса:

– Сынок, я все знаю. Не спорь, сиди тихо. Скоро приеду за тобой.

Алекс откинул в сторону неровно обрезанные веревки и поднялся на затекшие ноги:

– В туалет хочу.

– Первая дверь направо. И без фокусов, сынок.

В комнату зашел другой мужчина, с хищным выражением на смуглом лице.

Боязливо оглядываясь на охранников, мальчик вышел из комнаты и увидел широкий коридор. Тусклый свет выхватывал рисунок ковра на полу и картину в проеме стены. Постояв немного, Алекс вошел в туалет. Открыл воду, помыл руки, сполоснул рот и умылся. Вытерся краем грязной рубашки и присел на край ванны.

– Эй, тебя в унитаз смыло? Выходи скорее!

Ничего не ответив, Алекс вернулся. За время его отсутствия комната наполнилась запахом жареного мяса, а на столе появилась тарелка с шашлыком, накрытая румяной лепешкой. В животе заурчало так громко, что один из похитителей улыбнулся и широким жестом пригласил к столу. Но Алекс сел на пол и постарался изобразить равнодушную мину: избили, скрутили и теперь кинули, как щенку, кость с мясом. Жрите сами.

Водитель с отвратительными волосатыми руками и выпученными глазами приказал:

– Ешь!

– Мама звонила?

– Ты мужик или баба? Хватит спрашивать про маму! – Волосатый поднял кулак, замахнувшись на Алекса.

– Не трогайте!

Второй оттащил волосатого в сторону, сфотографировал мальчика, который моргнул от неожиданности, а затем вышел в соседнюю комнату и заговорил на гортанном языке. Алекс провел ладонью по лицу, запоздало стирая выражение растерянности и слабости.

– Мама что-нибудь придумает, – повторял он и пытался взять себя в руки. Из многих предположений одно это придавало ему уверенности.

* * *

Алекс снова оказался в темноте. Былые надежды и прыть покинули его.

Мысли метались от одних воспоминаний к другим, словно хотели собрать его короткую жизнь в один рисунок. Что прежде любил делать? Мечтать. О чем? Изобрести лекарство от рака из акульих плавников. Прославиться? Нет. Избавить человечество от боли. А славы и внимания ему и сейчас хватало через край. Пацаны уважали его и в рот заглядывали. С завистью смотрели, как по утрам Алекс с двоюродным братом Иваном – пацаны звали их Саня-Ваня – вылезали из крутой тачки, поправляли футболки с «мажорными» эмблемами, такими, как и на кроссовках, и громко здоровались со всеми:

– Привет, братва!

– Привет, пацаны!

Кузен Иван – перевернутое отражение Алекса – говорил медленно, много думал и не бежал за первым желанием. Их словно разделили пополам, наделив абсолютно разными чертами характера. Но они не стали близнецами в материнской утробе, захлебываясь в околоплодных водах, хотя оба появились на свет третьего апреля с разницей в пятнадцать минут.

Бабушка называла их матерей доченьками, но мама Алекса приходилась ей снохой, женой сына. До рождения мальчиков привилегиями всеобщей любимицы пользовалась старшая сестра Алекса, ей тогда уже исполнилось четыре года. Она устанавливала свои законы и сама себя назначила правительницей дома, полноправным командиром над братом и кузеном. Не каждый деспот вел себя так, как Вика, прозванная мальчиками Пикой. Короче, выпила у них столько крови, сколько не снилось комарам со всего света. Но, удивительное дело: с тех пор, как Иван и Саша начали передвигаться, они ползали, ходили и бегали за Пикой; так сложилась неразлучная троица. Вика-Пика вела за собой и остальных малышей, рождавшихся в семье каждые два года. Но больше всех от нее доставалось Алексу, появившемуся на свет безболезненным путем: кесарево сечение, сделанное его матери, являлось легким пропуском в мир. Иван же выбирался самостоятельно по каким-то таинственным родовым путям и даже немного помял себе голову. Братья были совершенно разными.

Алексу быстро все надоедало, а кузен отличался упорством, приобретенным во время рождения. Мальчики наслаждались компанией друг друга, и радости их не было предела, когда они стали жить в одном доме. Единственным минусом являлось постоянное присутствие отца Ивана. Дядя Федя, рыхлый, как баба, освоился в их семье на удивление быстро. Непонятно почему, но все буквально заглядывали ему в рот и смеялись его дурацким шуткам. Даже бабушка Мария попала под гипноз, поддавшись его бархатному голосу и голубым глазам. Наверное, Федя соответствовал ее идеалу красоты: белолицый, с волосами цвета спелой пшеницы и ясным взглядом. А он снисходительно посматривал на семью своей жены, кореянки, мамы Ивана. Пару раз даже шутливо рассказал анекдот про чукчей, с откровенным намеком на бабушку и дедушку. Алекс хотел врезать ему по наглой роже, но мать строго сказала, что со старшими так себя нельзя вести. Пришлось проглатывать унижительные замечания. Главное,

ему не хотелось обижать Ивана, который тоже был очарован своим отцом. Но, в общем, время совместного проживания стало для них самым ярким временем детства.

Алекс с Иваном, предоставленные сами себе, занимались тем, что им нравилось.

– Прикинь, что ты на необитаемом острове, – начинал Иван, любитель всевозможных приключений.

– Прикинул, я никогда не попаду на твой таинственный остров, – обрывал его Алекс.

Ребятам никогда не приходило в голову, что кто-то из них может очутиться в такой же ситуации, как Алекс сейчас. В плену у страшных людей не на таинственном острове, а в родном городе. Он смотрел фильмы про похищение детей и смеялся. Разве мог знать, что и его похитят и это совсем не смешно? Мрачные мысли лезли в голову и не давали покоя. Что сделают с ним? Заберут почки, сердце, печень или потребуют выкуп? А может быть, Алексу повезет, его просто вернут маме? Вернут с почками, печенькой и сердцем, живого и невредимого.

Вопросы и ответы переплелись в ужасные видения, которые оборвал шум за дверью. Похитители спорили. Голоса то понижались, то превращались в крик; кто-то даже стукнул по столу и остановился совсем рядом с Алексом. Что делать?

Алекс стал дышать, как учила его мама: глубоко вдыхая и долго выдыхая, раздувая диафрагму. Вдруг ужасная догадка пронзила сознание мальчика. Мама в беде. Его и похитили из-за нее – а так кому нужен обычный пацан? Мысли опять заметались, пытаюсь найти решение. Эх, превратиться бы в дракона и... Не успел он дорисовать картину освобождения и спасения мамы, как открылась дверь. Волосатые руки, несмотря на сопротивление мальчика, выволокли его из комнаты, протащили через двор и швырнули в темноту, как мешок с дерьмом. Он стукнулся головой обо что-то твердое и во весь рост вытянулся на земле. Не успел прийти в себя, как те же волосатые руки затолкали его в багажник и резко захлопнули крышку. На мгновение все стихло. Затем машина резко дернулась и рванула вперед. Опять началась гонка в неизвестность.

Щека Алекса упиралась в ворсистую оболочку дна, пахнущую пылью и чем-то резким, вроде клея. Скрючившись, свободной рукой он попытался нащупать вокруг себя хоть что-то: провод, щель, защелку, какую-нибудь отвертку, но ничего не обнаружил. Пусто. Темно, как в могиле. Попытался вдохнуть глубже – не получилось. Грудь сжалась. Воздух стал гуще, дышать совсем нечем. И Алекс закричал, но темнота поглотила крики, полностью изолировав его от реальности. Теперь он понял, что такое страх. Липкий, обволакивающий сознание, затягивающий в бездействие: ничего нельзя изменить. И вдруг, когда отчаяние перешло в полное равнодушие, когда он приготовился к неминуемой смерти, машина резко остановилась, как будто влетела в стенку. Алекса швырнуло вперед, плечо ударилось о металл. Все. Началось. Кто-то подошел к задней части машины. Щелк. Замок не открылся сразу. «Наверное, заклинило», – мелькнуло в голове Алекса. И, словно отвечая на его вопрос, раздался злой удар кулаком по крышке. Это был тот, с волосатыми руками.

Еще один щелчок, и багажник открылся. Волосатые руки схватили скрюченного Алекса и вытащили из заключения. Через секунду двигатель взревел, и машина на полной скорости развернулась и умчалась в обратном направлении. Наступила полная тишина, словно ничего не происходило. Алекс стал судорожно глотать воздух, дышать и выдыхать. Его бросили одного? Не успел он прийти в себя, как опять послышался шум двигателя. Ужас! Похитители возвращаются назад. Они передумали отпускать его. Алекс метнулся вперед, потом свернул на обочину и запетлял, как заяц. Прыжок, и он провалился в пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.